

К. И. ШНЕЙДЕР

РАННИЙ РУССКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ КРИТИКА «СЛЕВА» и «СПРАВА»

В статье рассматривается критическая литература, направленная против представителей раннего русского либерализма середины XIX в. Автор стремится определить особенности демократической и консервативной критики отечественного либерализма. Особое внимание уделено интерпретации мотивационной составляющей деятельности оппонентов российских либералов и объяснению причин возникновения бурных дискуссий между представителями различных направлений общественной мысли в России накануне и в период проведения Великих реформ.

Ключевые слова: русский либерализм, критика, община, эстетика, народность.

Многочисленные попытки большинства отечественных и западных экспертов изложить на бумаге связную историю русского либерализма XIX века пока не привели к желаемому результату. Существующие версии нередко грешат многочисленными историческими натяжками, эклектикой и стремлением во что бы то ни стало сложить «либеральную мозаику» из искусственно подобранных и конфликтующих между собой частей. Одними из очевидных препятствий на пути решения столь важной задачи являются недостаточная разработанность проблемы генезиса русской либеральной традиции в целом, а также сложности изучения ее первоначального варианта, в частности.

Вместе с тем наиболее плодотворной представляется версия о формировании раннего либерализма в России во второй половине 1850-х – начале 1860-х гг., высказанная рядом российских и англо-американских специалистов. К числу его основателей могут быть отнесены К.Д. Кавелин и Б.Н. Чичерин, рядом с которыми находились П.В. Анненков, И.К. Бабст, В.П. Боткин, А.В. Дружинин, Е.Ф. Корш. Именно они впервые сформулировали главные положения национально адаптированного либерального мировоззрения, что, однако, не является аксиомой для многих исследователей и не считается общепризнанным трендом в современной историографической мысли¹.

Ранний русский либерализм середины XIX века насыщен специфическими коннотациями классических либеральных ценностей, традиционно вызывающими «подозрения» в академическом сообществе. В пер-

¹ О происхождении и историографии раннего русского либерализма см.: Китаев. 2004; *Либерализм в России*. 1996; Приленский. 1995. Ч. 1; Шелохаев. 1998. № 4. С. 26-41; 2007. № 5. С. 3-16; Шнейдер. 2009. С. 234-242; 2010. № 4. С. 177-187.

вую очередь, это касается наличия мощного консервативного начала в раннелиберальном дискурсе, особенно в его политической части. Непривычная для «либерального уха» симфония этатизма и свободы, неприятие демократии, апологетика «чистого искусства» и принципиальные споры о судьбе крестьянской общины в либеральной среде середины XIX в. закономерно стали объектами острой критики не только в современной профессиональной историографии, но и в общественной мысли того времени. Кто и как оппонировал ранним русским либералам «слева» и «справа», и какие дискуссии разворачивались на страницах различных изданий середины XIX в. – главные вопросы настоящей статьи.

Несомненной релевантностью для объяснения феномена раннего русского либерализма обладают дискуссии его представителей с радикальными и консервативными критиками. Накануне Великих реформ в поле производства идей несложно заметить открытую конкуренцию между различными направлениями отечественной общественной мысли в процессе социального конструирования модели ближайшего национального будущего. Основной площадкой развернувшейся полемики стала периодическая печать, а главным «призом» – участие в подготовительном этапе предстоящих преобразований в качестве экспертов и разработчиков. Ведущие участники этих масштабных идейных столкновений играли разные роли в зависимости от габитусов, т.е. личных диспозиций, детерминированных процессом их предшествующей социализации и самоидентификацией в интеллектуальном пространстве России середины XIX столетия.

Демократическая критика начального русского либерализма представлена, прежде всего, журналом «Современник». В нем авторы многочисленных полемических материалов сосредоточили пристальное внимание на обсуждении таких тем, как либеральная историософия с ее ярко выраженным этатизмом, снобизм адептов «чистого искусства» по отношению к окружающей действительности и преимущества крестьянского общинного управления перед перспективой его разрушения. Следует отметить персонификацию критической волны «слева», устремленную на фигуру Чичерина, основного действующего лица в среде ранних русских либералов, что, вероятно, связано с ростом конкурентной напряженности в поле производства идей в период либерализации второй половины 1850-х гг. накануне Великих реформ.

Начало полемики либералов с демократическими оппонентами характеризовалось взаимной осторожностью и выверенной тональностью. Например, «левые» по достоинству оценили научное исследование Чичерина, посвященное истории России XVII века. В частности, журнал

«Современник» сообщал в рецензии: «как ни высоко уважается теперь талант г. Чичерина, но ему, как нам кажется, предстоит в будущем пользоваться еще более громкой известностью. Труды г. Чичерина доказывают, что он обладает всеми качествами, нужными для того, чтобы со временем и, по всей вероятности, в скором времени, приобрести знаменитость, какая достается на долю только очень немногим избранныкам. В его сочинениях обнаруживается светлый и сильный ум, обширное и основательное знание, верный взгляд на науку, редкая любовь к истине, благородный жар души; он имеет дар прекрасного изложения»².

За небольшим исключением «левые» раздавали Чичерину щедрые авансы по поводу его будущей научной карьеры и способности кардинально изменить традиционные воззрения на русскую историю. Скорее всего, это связано с формированием демократического тренда в общественной мысли середины 1850-х гг., направленного, в том числе, на преодоление устаревших представлений об исторической судьбе России. Чичерин никем еще не воспринимался в качестве политического мыслителя, оставаясь талантливым ученым, подающим большие надежды.

Стоило, однако, Чичерину в 1856-1858 гг. высказаться в серии статей в либеральных периодических изданиях по ряду болезненных общественных проблем, и он сразу же превратился в объект критики «слева», усиливавшейся со временем от состояния интеллектуального несогласия до личного неприятия и оскорблений. Речь идет о роли государства и сельской общины, революции и централизации в истории.

Демократы упрекали Чичерина в тотальном этатизме и необоснованном распространении его на все сферы общественного развития в процессе изучения конкретных сюжетов далекого и недавнего отечественного прошлого. Например, в ходе полемики по сельской общине «левые» критики отрицали наличие сколько-нибудь содержательных представлений о власти или праве в крестьянской среде. По их мнению, «те учреждения, в которых и законодатель, и г. Чичерин, и мы будем видеть последствие государственных начал, государственной необходимости, основанной на праве и облеченной в юридическую форму, в закон, – эти учреждения поселянин поймет совершенно иначе, растолкует их себе по своему, а чего не поймет, то будет исполнять по привычке безусловного повиновения. Формы этих учреждений будут меняться, он им всем будет подчинен, и все-таки его сознание останется почти на одной и той же степени неразвитости»³.

² *Областные учреждения...* 1856. Т. 59. № 9. С. 9.

³ *Северцов.* 1856. № 11. С. 8.

Будучи основателем знаменитой «государственной школы» в русской историографии Чичерин видел в верховной власти единственный системообразующий фактор в отечественном историческом опыте. Поэтому его слова о проникновении государственных начал в толщу народной жизни можно трактовать, как предложение считать все созданные национальные общественные структуры (в том числе и общину) результатом организаторских усилий центра, который «сверху» их насаждал и укоренял. Чичерин убедительно доказывал, что в России только высшая власть, являясь единственным субъектом права, способна была позитивно менять статус-кво, как в ретроспективе, так и в ближайшей социальной перспективе. Скорее всего, дело здесь не в готовности поселянина вникнуть в тонкую юридическую ткань правовых отношений, а в возможности и желании государства распространять подобные коммуникации в обществе даже принудительно.

Вероятно, Чичерин и его демократические оппоненты говорили на «разных языках» и вряд ли могли сблизить свои позиции. Если первый обращался к уникальным по степени тотального воздействия на социум функциям самодержавия, то вторые фиксировали разрыв между «властью» и «землей» и отсутствие подготовленной почвы для просвещенного реформаторства. «Для нашего простого народа неясно само понятие о праве: он уважает только факт, руководствуется обычаем в определении своих домашних отношений, наконец, стоит на слишком низкой ступени умственного образования, чтобы видеть что-либо существенное в отвлеченном праве. Россия устроена на началах государственных, и потому поселяне не могут с ними не сталкиваться. Но соответствует ли понятию о государстве форма, в которую их мысль облекает эти идеи? По нашему мнению, нельзя отвечать утвердительно»⁴, – писал корреспондент «Современника».

Дискуссия о судьбе крестьянской общины в России расколола либеральную среду на сторонников сохранения ее в обозримом будущем и противников старых форм хозяйствования на земле. В данном вопросе «левые» вполне солидаризировались с позицией Кавелина и части либералов, озабоченных социально-экономическими последствиями исчезновения общинных порядков, как для землевладельцев, так и для земледельцев. «Современник» в 1858 г. даже опубликовал извлечение из знаменитой «Записки об освобождении крестьян» Кавелина. Возникший своеобразный либерально-демократический консенсус опирался, в том числе, на идею сосуществования общины и ростков нового частно-

⁴ Там же. С. 5.

го владения фермерского типа, что гипотетически не только могло обеспечить плавный переход к чему-то новому в деревне, но и обезопасить от массового разорения дворян, а самое главное, от пролетаризации огромных масс крестьянского населения.

Вообще демократы не отрицали неизбежности упразднения общинных порядков в отдаленной перспективе и предупреждали: «Эта будущность от нас не за горами; мы должны предусматривать ее и принимать меры к отстранению бедствий фабричной эксплуатации для земледельцев. Единственным средством против этого кажется нам сохранение у поселян общинного владения. Тогда они, при появлении нужды в большом оборотном капитале для земледелия и в расширении размеров хозяйства, найдут у самих себя, через соединения в товарищества, нужные денежные средства и нужный размер полей»⁵. В союзниках у них оказались либералы во главе с Кавелиным и редакцией журнала «Русский вестник», тогда как другие ранние либералы во главе с Чичериным ратовали за свободу поземельной собственности. При этом последние прекрасно осознавали все опасности обезземеливания крестьян и длительность переходного пореформенного состояния, но настаивали на безальтернативном характере эволюции аграрных отношений в пользу частного крестьянского землевладения. Таким образом, в вопросе о судьбе общинного миропорядка можно обнаружить немало точек соприкосновения между «левыми» и либералами середины XIX в.

Демократические критики заметили и остроотреагировали на выход сборника статей Чичерина «Очерки Англии и Франции»⁶. Общий тон задал Н.Г. Чернышевский, который заявил: «Из этих советов быть холодными, беспристрастными, подавлять в себе всякое раздражение, мы заключаем, что г. Чичерин знает только, как пишутся ученые книги, но не знает, какими силами развивается общественная жизнь. Он думает быть публицистом, но является школьным учителем, у которого главная забота та, чтобы ученики смиренно сидели по своим местам и слушали его наставления. Первым делом у него выставляется то, чтобы общество отказалось от всяких живых чувств из боязни нарушить теоретическое беспристрастие»⁷. Очевидно, лидера демократов раздражала не только манера изложения материала, но и попытка Чичерина теоретически обосновать свои этатистские воззрения на европейском примере. Чернышевский отверг совершенно неприемлемое, на его взгляд, восприятие

⁵ Чернышевский. 1858. Т. 68. № 3-4. С. 111.

⁶ Чичерин. 1858.

⁷ Чернышевский. 1859. Т. 75. № 5. С. 36.

автором сборника сущности демократии, бюрократии и абсолютизма. Например, он искренне считал содержательно противоположными демократическое и бюрократическое начала в общественном развитии, романтически указывал на преимущества самоуправления перед любым администрированием, а в качестве примера финальных успехов демократии ссылаясь на американский федеративный опыт государственного управления. Немало критических стрел Чернышевский выпустил в адрес принципа централизации и роли абсолютизма в истории, с которыми он связывал рождение бюрократической системы. Поэтому он отрицал плодотворность обращения Чичерина «за советом» к историческим реалиям Франции. «И, например, о г. Чичерине каждый говорит, что любовь к бюрократии и централизации заставляет его странным образом преувеличивать все хорошее и уменьшать все дурное в истории французского абсолютизма»⁸, – утверждал Чернышевский.

В подобных рассуждениях нельзя не заметить стремления к простым футурологическим схемам и однозначным ответам на непростые вопросы социального развития, характерные для периода формирования демократического тренда в отечественной общественной мысли и его размежевания с либеральным. В частности, невозможно согласиться с наивными размышлениями Чернышевского о несовместимости демократии и бюрократии, а также с апологетикой «самоуправления» в борьбе с «абсолютным злом» централизации. Франкофил Чичерин искал на конкретном европейском примере не абстрактные, а реальные исторические параллели и пути адаптации западного опыта на национальной почве.

Не осталась без критического внимания и вступительная лекция по государственному праву, которую Чичерин прочитал в Московском университете 28 октября 1861 г. Журнал «Отечественные записки» высказался резко против государственных взглядов либерального профессора, обвинив его в пренебрежении к многообразию общественной жизни и губельному для всего социума стремлению к тотальному этатизму. По мнению автора статьи, всеобщее администрирование крайне опасно «иначе мы придем к Икарии или военным поселениям, то есть к формам, невыносимым для человеческой личности; а как скоро не вся жизнь народа улеглась в более или менее искусственные рамки тех отношений, которые обыкновенно называются государственными, то неизбежно является необходимость разграничения сфер деятельности, а, следовательно, и создания обеспечений для этих остальных сфер»⁹.

⁸ Там же. С. 52.

⁹ *Бестужев-Рюмин*. 1861. Т. 139. С. 6.

Взгляды Чичерина воспринимались как догматические, способные превратить государство в механический Левиафан, населенный исключительно обслуживающим персоналом. В очередной раз критика артикулировала идею самоуправления в качестве антитезы централизации и витальной силы самообновления через появление различных частных союзов, городских и сельских корпораций, рождающих общественное мнение. Образ Чичерина-мыслителя приобрел черты примитивного фанатика-государственника, не терпящего возражений и занятого охранительным конструированием.

Еще более резкой была реакция «Современника» на публикацию программного сборника статей Чичерина «Несколько современных вопросов»¹⁰. Именно в нем автор сформулировал концептуальные положения раннего русского либерализма, впервые превратив его из абстрактной теоретической конструкции в полноценный проект исторического развития. Демократическая критика обрушилась на одну из центральных идей Чичерина – безальтернативность соединения свободы и власти в условиях самодержавной России, как основополагающего постулата истинно национального либерализма. Тональность рецензии «левых» на изданный сборник не предвещала содержательной дискуссии. «Теперь на ученость г. Чичерина смотрят как-то странно; одни отрицают ее, другие по крайней мере не возлагают на нее никаких надежд; большинство относится к нему с недоверием и неудовольствием, деятельность его, по крайней мере печатную, находят бесплодной, а пожалуй, и того хуже. Последнее, как видно сильно огорчает г. Чичерина, и в неуважении к себе он видит неуважение к науке и к высшему полету мысли»¹¹.

Далее шли совершенно неприкрытые даже флером научности рассуждения о бесполезности «подгонки» друг к другу свободы и власти с законом, так как «на деле» они должны быть согласны и тождественны. Если же между ними обнаруживаются непримиримые противоречия то, по мнению автора рецензии, неуместно с этим бороться и следует, либо заменить свободу другой, согласной с законом, либо устранить неразумный закон. «При столкновении этих двух элементов соглашения не должно быть; выбирайте из них один какой-нибудь, который вам больше нравится. Свобода ли существует для закона, или закон для свободы; при столкновении их, кто должен уступить, – жизненное ли начало свободы, или отвлеченная формула закона?»¹², – размышлял критик.

¹⁰ Чичерин. 1862.

¹¹ Антонович. 1863. Т. 95. № 3. С. 89.

¹² Там же. С. 95.

Кроме того, Чичерина обвиняли в стремлении сохранить политический статус-кво любой ценой, например, за счет актуализации потенциала бюрократизма и аристократизма в правовом поле для доказательства их практической совместимости с законом и свободой. В очередной раз критики «слева» максимально упрощали теоретические построения классика раннего русского либерализма, вульгаризировали его нетривиальные рассуждения о способах «приживания» европейского опыта на российской почве. Повышение градуса демократической критики Чичерина и многих положений отечественной либеральной мысли начала 1860-х гг. можно объяснить обострением конкуренции в поле производства идей в условиях проведения Великих реформ. Ведь именно либералам тогда удалось пробиться в узкий экспертный круг самодержавия и на некоторое время стать обладателями «символического знания» ближайших перспектив исторического движения страны.

Наконец, еще одной областью критики «слева» раннего русского либерализма являлась эстетика, а точнее приверженность многих либералов концепции «чистого искусства». В 1855 г. появилась магистерская работа Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности», написанная им для получения степени магистра русской словесности, которую он приобрел лишь через три года. В 1865 г. вышло второе издание этого сочинения и сразу же журнал «Современник» опубликовал на него рецензию, где автор жестко встал на защиту Чернышевского и новой эстетической теории в борьбе с апологетикой «чистого искусства». В частности, подчеркивая разнообразные достоинства свежего взгляда на область прекрасного, критик утверждал: «Действительно, эта теория, не отвергая самостоятельности искусства и его самостоятельных специальных целей, требует, чтобы оно всегда находилось в тесной связи с человеческой жизнью, имело в виду и другие цели, лучше сказать, содействовало со своей стороны достижению общей главной цели человека, достижению разумной, здоровой и довольной жизни, чтобы оно доставляло человеку не одно только эстетическое удовольствие, но и пользу в обширном и благородном значении этого слова...»¹³.

Автор рецензии требовал от своих оппонентов рационального подхода к искусству и сравнивал его с наукой, считая, что оно должно служить человеку, выполнять совершенно определенные полезные функции. В противном случае искусство теряет всякий смысл, так как не в состоянии конкурировать с неподдельной красотой природы и окружающей действительности. Критики-демократы не сомневались в пре-

¹³ Антонович. 1865. Т. 107. № 3. С. 39-40.

восходстве «живых» форм перед любыми «мертвыми» образами, порожденными сверхъестественной фантазией художника.

Таким образом, уважение к реальности, по их мнению, являлось основополагающим догматом новой эстетической теории, утверждавшей, что «бесконечные идеи суть не что иное, как весьма конечные представления, кажущиеся бесконечными только от того, что они слишком неопределенны, что в них нет никакого содержания; эти идеи суть только отрицание всех качеств, свойственных конечному, т.е. действительному бытию; они представляют бытие, и в то же время уничтожают все существенные условия бытия, хотят выразить собой существующее ничто...»¹⁴. И если человек стремится к абсолютной и бесконечной красоте, то он обречен на поиск миражей. Даже поэзия, которая признавалась всеми высшей из искусств, не могла, по мнению автора рецензии в журнале «Современник», возвыситься над живой реальностью, а только приближалась к ней в своих лучших образцах. Более того, критик отважился поставить четкие ориентиры перед искусством в целом: «Итак, первая задача искусства есть воспроизведение действительности с целью эстетического наслаждения ею, а вторая – уяснение воспроизводимой действительности; с этой второй задачей тесно связана и третья, по которой искусство может возвышаться до роли критика и судьи воспроизводимых им явлений»¹⁵. В этой связи нелишне напомнить слова Анненкова, признанного эксперта в эстетических вопросах в середине XIX в., нелицеприятно сказанных им в адрес автора рецензии – он «бесспорно первый ерундист нашего времени»¹⁶.

В итоге, демократическая критика предлагала дидактический подход к интерпретации эстетических проблем, в противовес либеральной приверженности концептуальным установкам «чистого искусства». Позиции «левых» опирались на идеи Чернышевского, пытавшегося создать своего рода «позитивную эстетику», в которой бы высшей ценностью считалась не художественная идея, а конкретная действительность в ее разнообразных проявлениях. Poleмика столкнула антропологический подход к эстетике, являвшийся частью идеалистической картины мира ранних русских либералов с философским реализмом демократов, характерным для их восприятия всего пространства прекрасного.

С течением времени существенно возросла тональность критических заявлений, и в адрес либеральных изданий нередко срывались рез-

¹⁴ Там же. С. 43.

¹⁵ Там же. С. 74.

¹⁶ Анненков. 2005. С. 127.

кие эпитеты, такие как «старческая болтовня покойного “Атеня”» или «ребяческий лепет “Московских ведомостей”», зачастую заменяя авторам поиск серьезных и доказательных аргументов. Статуирование оппозиционного тренда «слева» в лице демократов сдвигало ранний русский либерализм вправо на более консервативные основания, что заметно в ряде положений теории «охранительного либерализма» Чичерина.

Не менее жесткой была критика российских либералов «справа», где располагались славянофильствующие и традиционалистские оппоненты, выступавшие на страницах журналов «Москвитянин» и «Русская беседа». Авторы острых полемических статей обращались к теме народности в науке и неприемлемости западного опыта изучения прошлого, особенностям русской общины и слабым местам либеральной исторической концепции. Традиционно главным объектом критических заявлений являлся Чичерин, по разным причинам раздражавший не только «левых», но и «правых» рецензентов.

В 1856 г. состоялась дискуссия о сельской общине между либеральным «Русским вестником» и славянофильской «Русской беседой». Редакция последней настаивала на том, что «наша община есть не патриархальная, не родовая, не государственная, а по преимуществу товарищеская или, вернее сказать, мирская. Она не устроена правительством, а образовалась из самого быта Русских людей; правительство же только мудро воспользовалось тем, что уже существовало в правах и обычаях народа»¹⁷. Это был ответ на публично заявленную позицию Чичерина о развитии общинного начала в России от родового статуса через владельческое состояние к финальной государственной форме.

«Правые» отказывались верить в либеральную версию об организации общинного миропорядка «сверху» начиная с рубежа XVI–XVII вв. и доказывали его укорененность в народной жизни. В фундаментальных статьях И.Д. Беляева, главного оппонента Чичерина, утверждалась мысль о разрушении родовых отношений еще до призвания варягов и повсеместном распространении «договорной» формы сельского совместного проживания. Поддержку «Русской беседе» оказал «Москвитянин». В частности, корреспондент этого издания был уверен: «Общинность городов с их вечем, собственным судом и управлением, не подлежит сомнению, и мы можем пристать к стороне, доказывающий, что русский народ древности жил и действовал по началам общинности, а не родовой или патриархальной связи»¹⁸.

¹⁷ Беляев. 1856. Кн. 1. С. 146.

¹⁸ Лешков. 1856. Т. 1. № 1. С. 94.

Эмоциональный накал дискуссии, скорее всего, связан с несанкционированным вторжением либералов в консервативный сегмент поля производства идей, исторически ответственный за генерацию канонических образов сельского мира, и это воспринималось как покушение на общепризнанную традицию, грозившее непредсказуемыми последствиями. Кроме того, во второй половине 1850-х гг. именно крестьянская тема стремительно актуализировалась, и «правые» не желали отдавать ее на откуп интеллектуалам из демократической и либеральной среды.

В тесной связке с общинной обсуждались проблемы народности и так называемого «русского воззрения» в науке. Теоретический спор об этом между либералами и их оппонентами «справа» в 1856-1858 гг. вылился в серию статей в «Русском вестнике», «Атенее», «Московских ведомостях», с одной стороны, и «Русской беседе», «Москвитянине», с другой. Национальная составляющая в ее вульгарно антропологическом варианте привлекала консервативных экспертов в области истории знания. «Мы приходим к убеждению, что именно народность мысли, определяя как бы специальное ее назначение в области науки, наводит ее на пути к открытиям, постепенно раздвигающим пределы общечеловеческого знания»¹⁹, – утверждал Ю.Ф. Самарин. Таким образом, процесс познания неведомого распределялся бы между народами в зависимости от их предрасположения к изучению той или иной исследовательской области. Конечно, не следует полностью игнорировать видимую связь между тем, что зачастую абстрактно именуется «национальным характером», и научными достижениями в обществе, но ее наличие вряд ли стоит объяснять исключительным влиянием «народного духа».

Консервативных критиков всерьез раздражал европоцентризм ранних русских либералов, и они настойчиво поднимали тему народности в науке для обсуждения проблемы подражания Западу. В то время как Чичерин в ходе полемики, артикулировал идеи неподвзятости ученого, его максимальной дистанцированности от массива собранных фактов и общей судьбы научного знания для всех народов, «правые» предлагали проверять любые теоретические умозаключения силой их соответствия народному восприятию. «Народность есть больше, чем объект для мысли, сама мысль должна получить от нее свое образование; ибо, как в истории общечеловеческие начала проявляются не иначе, как в народной среде, так и в области науки, мысль возводит эти начала в сознание через ту же народную среду»²⁰, – считал Самарин. При этом наиболее

¹⁹ Самарин. 1856. Кн. 1. С. 43.

²⁰ Там же. С. 46-47.

профессиональные консервативные эксперты не забывали ссылаться на необходимость преодолевать не только пагубные пристрастия ко всему иностранному, но и узость местнической исключительности. В ответ на консервативную апологию самостоятельного народного мнения либералы объявляли «русское воззрение» на науку и искусство в простонародном понимании чистой нелепостью, призывали к всемерному развитию образования и высокой оценке того интеллектуального импульса, который Россия получила от европейской общественной мысли²¹.

Нередко соблазн доказать тотальную особенность национального существования России во всем, в том числе в пространстве научного знания, приводил к весьма радикальным выводам. «И понятно, что в России, в стране таких особенностей в ее труде и земле, служащих основанием для решения многих вопросов права, политики и государственного хозяйства, начала науки об этих вопросах должны быть существенно различны от начал, принятых на западе. Изучая напр. начала политэкономии в России, с русской точки зрения, мы не будем повторять чужого, а, может быть, скажем, такое свое, которое войдет в науку, и тем будет содействовать достижению общечеловеческого идеала – истины», – предполагал корреспондент «Москвитянина»²².

За признанием уникальности исторического развития России без труда угадывались базовые положения славянофильского учения. В полемике с либералами по вопросу о «русском воззрении» и народности в науке «правые» исходили из тезиса о позитивном, подлинно самостоятельном развитии России в допетровскую эпоху, которая разрушила и переопределила национальную судьбу, поставив ее в зависимость от подражания западным образцам. Вектор их критических выступлений был направлен на защиту самобытности, признававшейся единственным источником формирования общечеловеческого гуманитарного арсенала. Либералы, напротив, ориентировались на периферийную адаптацию очевидных достижений канонической европейской традиции, являвшейся для либеральных мыслителей своего рода квинтэссенцией социальной мудрости. Таким образом, если одни предлагали двигаться от многообразия частных проявлений к абстрактному идеалу, то другие предпочитали сосредоточиться на перспективах изучения доминирующего в истории социокультурного опыта.

Консервативная критика убеждала: «Народное воззрение есть самостоятельное воззрение народа, при котором только и возможно по-

²¹ Еще несколько слов... 1856. № 55. С. 213.

²² Лешков. 1856. Т. 1. № 3. С. 246.

стижение общей всечеловеческой истины. Как человек, не имеющий своего мнения или воззрения, не имеет никакого: так народ, не имеющий своего мнения или воззрения, не имеет никакого...»²³. Либералы же считали невозможным заниматься производством социального знания в России вне европейского контекста и побуждали всех к «изучению истории всемирной, без которой не может быть понятно никакое национальное развитие. В самом изучении русской истории необходимо предостерегать нас от так называемых национальных воззрений; нужно твердить нам постоянно, что мы должны разрабатывать ее фактически, не становясь на какую бы то ни было исключительную точку зрения, не искажая ее приготовленными заранее выводами и убеждениями»²⁴.

В целом, «правые» настойчиво предупреждали отечественных читателей европейских порядков о недопустимости и опасности подражания Западу. Право претендовать на место в истории можно, по мнению консервативных критиков, только в случае предъявления мировому сообществу соответствующих национальных достижений. «Народ, который хочет войти в историю, должен сам произвести достойное человечества; а повторяя только чужое, принимая только чужие воззрения, довольствуясь только переводами да иностранными авторитетами, он не будет достоин названия исторического деятеля...»²⁵, – утверждал корреспондент журнала «Москвитянин».

Критика «справа» раннего русского либерализма нередко персонализировалась в образе того или иного лица. В частности, это заметно на примере Чичерина и его научного труда, посвященного областным учреждениям России в XVII столетии. В отличие от демократов, «правые» негативно восприняли предложенную автором исследовательскую версию и выступили на страницах периодических изданий с жесткими рецензиями. «Много труда положил автор в своем исследовании, и за трудолюбие нельзя не благодарить его; но, к сожалению, труд сей, преисполненный отрицания, не только бесполезен, но и вреден нашей истории: подобные труды только останавливают ход исторического изучения. Не таких трудов ждет Русская история от своих исследователей; лучший образец наш в историческом изучении бессмертный Карамзин: по его стопам мы должны идти, а не придумывать путей стропотных и косных, ведущих к заблуждениям»²⁶, – заявляла «Русская беседа».

²³ Аксаков. 1856. Кн. 2. С. 146.

²⁴ Чичерин. 1856. Т. 3. Кн. первая. С. 64.

²⁵ Лешков. 1856. Т. 1. № 3. С. 238.

²⁶ Кр..ев. 1856. Кн. 4. С. 114.

Консервативную критику не устраивало стремление Чичерина вписать отечественную историческую традицию в общеевропейский контекст, «сшить» русскую действительность по западным «лекалам». В первую очередь либеральному исследователю ставилась в вину искусственность и надуманность его попыток использовать общий масштаб для изучения российской и всеобщей истории, начиная с проблемы политогенеза и заканчивая традициями повседневной жизни людей. «Правые» активно использовали известный тезис о несходстве и даже принципиальной разнице процесса складывания древних государственных образований в России и на Западе. Они считали, что если в первом случае он стал результатом принятия добровольных решений и мирного освоения нового опыта, то во втором – завоевательной деятельности.

Кроме того, критики «справа» акцентировали внимание Чичерина на укорененности традиций античного мира в европейском пространстве в раннюю эпоху, в частности, римского права в противовес якобы абсолютной независимости и автономности бытования восточнославянских племен. Наконец, на Западе «был феодализм с замками и с привилегированными городами, у нас ничего этого не было; все это и многое другое, чего я здесь не исчисляю, прямо свидетельствует, что невозможно сравнение средневековых учреждений Западной Европы с учреждениями древней России: основные начала тех и других совершенно различны и нисколько не походят друг на друга»²⁷, – констатировал рецензент.

В итоге, консервативные критики Чичерина отказывались принять западные государственнические теории, указывая на несходство исторических судеб России и Европы и ненаучность любых экспертных попыток выйти за границы отечественного опыта объяснения российского прошлого. «Правые» нередко жестко и агрессивно обвиняли представителей раннего русского либерализма в переписывании национальной истории при помощи использования ими чужеродного фактического материала или намеренной практики привлечения ограниченного круга источников. В 1857 г. Самарин удивлялся тому, что в своих исторических трудах Чичерин ссылался «почти исключительно на юридические памятники... редко попадает ссылка на летописи и нигде не приняты в соображение ни сочинения иностранцев о России, ни памятники церковной литературы, ни народные предания, песни, сказки, поговорки, ни, наконец, современный быт, представляющий живой и самый надежный комментарий к скудным остаткам древней письменности»²⁸.

²⁷ Кр...ев. 1856. Кн. 3. С. 62.

²⁸ Самарин. 1857. Кн. 1. С. 104.

Своеобразным приговором Чичерину со стороны «правой» критической мысли стал вывод об «отрицательности его воззрения», под которым подразумевался подход к русской истории не с точки зрения того, что в ней есть, а, прежде всего, того, чего в ней нет в сопоставлении с европейской традицией. Поэтому для консервативных оппонентов либерального ученого не было ничего странного и неожиданного в его апологетике и подражании Западу, где все необходимое имелось в полном объеме. Как результат – тезис «правых» о природе этих представлений: «В сущности, отрицательность выводов есть выражение неспособности угадать причину своеобразности народной жизни и уловить в ней те духовные побуждения, в которых сперва бессознательно обнаруживаются предрасположения народа к его историческому призванию и которым позднее, в эпоху зрелости, предназначено развиваться в стройную систему понятий и найти для себя идеальные образы»²⁹.

Критику «справа» раннего русского либерализма во второй половине 1850-х гг. можно считать продолжением известной полемики между западниками и славянофилами. Однако проходила она уже в иных исторических условиях, в начальный период подготовки Великих реформ, когда либеральные и консервативные оппоненты стремились обратить на себя внимание верховной власти, предложив ей свой концептуальный проект будущего развития общества. В конечном счете, новая редакция старой дискуссии стала важной частью борьбы соперничающих сторон за символический капитал аутентичной трактовки национальных интересов и, возможно, способствовала корректировке содержания раннелиберального дискурса в консервативном направлении.

В целом, русский либерализм середины XIX века уже в период своего формирования являлся сильным интеллектуальным раздражителем для различных оппонентов «слева» и «справа». Если демократическая критика нередко требовала от либералов радикального разрыва со старой действительностью и смелых шагов в будущее, то консерваторы упрекали их в пренебрежении к традициям и национальным интересам, а также в слепом подражании европейским стандартам развития.

Эта борьба между представителями разных направлений общественной мысли накануне Великих реформ трансформировала содержательный контекст раннелиберальной конструкции. Со стороны либералов в полемике участвовали Анненков, Бабст, Боткин, Дружинин, Кавелин, но центральной фигурой оставался Чичерин. Именно он, в конечном счете, смог впервые представить концептуально завершенный,

²⁹ Там же. С. 116.

регионально адаптированный вариант русского либерализма в виде теории «охранительного либерализма». На автора самым серьезным образом повлияла угроза «демократического хаоса», исходившая, по мнению всей либеральной среды, от радикальной критической мысли. С другой стороны, дискуссии с «правыми» оппонентами велись не только ради отстаивания собственных либеральных позиций, но и за доминирование в умеренно-консервативном сегменте поля производства идей, что повышало шансы победителя на диалог с верховной властью в реформационном процессе. В итоге, либералы закономерно оказались «охранителями» просвещенческой по своему содержанию концепции «истинной монархии» и постепенно дрейфовали в сторону консервативного берега.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аксаков К.С.* Еще несколько слов о Русском воззрении // Русская Беседа. 1856. Кн. 2. Смесь.
- Анненков П.В.* Письма к И.С. Тургеневу / Кн. 1. 1852-1874. 24 октября (5 ноября) 1862. Петербург. СПб.: Наука. 2005.
- Антонович М.А.* Неуважение к науке // Современник. 1863. Т. 95. № 3. Современное обозрение.
- Антонович М.А.* Современная эстетическая теория // Современник. 1865. Т. 107. № 3. Современное обозрение.
- Беляев И.Д.* Обзор исторического развития сельской общины в России // Русская беседа. 1856. Кн. 1. Критика.
- Бестужев-Рюмин К.Н.* Историческое и политическое доктринерство в его практическом положении // Отечественные записки. 1861. Т. 139. Русская литература.
- Еще несколько слов о «русском воззрении» // Московские ведомости. 1856. № 55. 5 мая. Литературный отдел.
- Китаев В.А.* Либеральная мысль в России (1860-1880 гг.). Саратов: Изд-во Саратовского университета. 2004. 380 с.
- Кр...ев. И.* Областные учреждения в России в XVII веке., соч. Б. Чичерина // Русская беседа. 1856. Кн. 3. Критика.
- Кр...ев И.* Областные учреждения России в XVII в., соч. Б. Чичерина // Русская беседа. 1856. Кн. 4. Критика.
- Лешков В.Н.* Еще о русском воззрении на науку и начале общинности в древней России // Москвитянин. 1856. Т. 1. № 1.
- Лешков В.Н.* Еще о русском воззрении // Москвитянин. 1856. Т. 1. № 3.
- Либерализм в России. М.: Изд-во Института философии РАН. 1996. 451 с.
- Областные учреждения России в XVII веке. Сочинения Б. Чичерина // Современник. 1856. Т. 59. № 9. Библиография.
- Приленский В.И.* Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов. М.: Изд-во Института философии РАН. 1995. Ч. 1. 312 с.
- Самарин Ю.Ф.* Два слова о народности в науке // Русская беседа. 1856. Кн. 1. Науки.
- Самарин Ю.Ф.* Несколько слов по поводу исторических трудов г. Чичерина // Русская беседа. 1857. Кн. 1. Критика.
- Северцов А.А.* Сельская община в России, г. Чичерина // Современник. 1856. № 11.

- Чернышевский Н.Г.* Ответ на замечания г. Провинциала // Современник. 1858. Т. 68. № 3-4. Словесность, Науки и Художества.
- Чернышевский Н.Г.* Г. Чичерин, как публицист // Современник. 1859. Т. 75. № 5.
- Чичерин Б.Н.* О народности в науке // Русский вестник. 1856. Т. 3. Кн. первая. Современная летопись.
- Чичерин Б.Н.* Очерки Англии и Франции. М.: В типографии Э. Барфкнехта и комп., 1858. 356 с.
- Чичерин Б.Н.* Несколько современных вопросов. М.: Тип. Грачева и ком. 1862. 265 с.
- Шелохаев В.В.* Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 26-41.
- Шелохаев В.В.* Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей отечественной литературе // Вопросы истории. 2007. № 5. С. 3-16.
- Шнейдер К.И.* О некоторых «фобиях» современного отечественного «либераловедения»: начальная история русского либерализма как историографический «фантом» // Пути России: современное интеллектуальное пространство: школы, направления, поколения. М.: Университетская книга. 2009. Т. XVI. С. 234-242.
- Шнейдер К.И.* Ранний русский либерализм в отечественной и зарубежной историографии // Российская история. 2010. № 4. С. 177-187.
- Шнейдер Константин Ильич***, кандидат исторических наук, доцент кафедры древней и новой истории России Пермского государственного университета; *kshneyder@yahoo.com*